

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71
УДК 323.2;32.019.5(045)

Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты*

Т.В. Евгеньева^а, А.В. Селезнева^б, Д.Е. Антонов^с

^а МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Финансовый университет, Москва, Россия

^б МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^с Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2500-6356>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8895-4348>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования состояния политической культуры современной российской молодежи как поколенческой общности, социализация которой происходила в условиях постсоветской политической реальности под влиянием традиционных институтов и новых цифровых факторов. Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийского репрезентативного опроса российской молодежи. Авторами выявлены и охарактеризованы представления российской студенческой молодежи об основных общественно-политических институтах, зафиксировано снижение интереса к политическому процессу и высокая степень неопределенности в представлениях о работе важнейших государственных институтов. В работе определены значимые поведенческие доминанты российской студенческой молодежи. Зафиксированы тенденции к уходу в виртуальную реальность и снижение интереса к реальному политическому участию. Полученные научные данные впоследствии могут быть положены в основу инструментально-технологического обеспечения деятельности государственных структур и общественных институтов, реализующих государственную молодежную политику.

Ключевые слова: молодежь; политические ценности; политические представления; символы; политическое поведение; политическая культура

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71

ORIGINAL PAPER

Political Culture of the Russian Students: Value-based, Figurative-symbolic and Behavioural Aspects**

T.V. Evgenyeva^a, A.V. Selezneva^b, D.E. Antonov^c

^a Lomonosov Moscow State University; Financial University, Moscow, Russia;

^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

^c State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-2500-6356>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-8895-4348>

ABSTRACT

The article presents the results of the study of the political culture of the Russian youth as a generational community, whose socialization took place in the conditions of the post-Soviet political reality under the influence of traditional institutions and new digital factors. The study was conducted based on a political-psychological approach. The empirical

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558 «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of project No. 20-011-31558, "Political culture of student youth in Russian regions: diagnostic methods and formation technologies in the light of the implementation of state youth policy".

base of the study was made up of the materials of the All-Russian representative survey. The authors identify and characterize the views of Russian students about the main socio-political institutions. The authors have identified significant behavioural dominants of the Russian student youth. There are trends towards moving into “virtual reality” and a decline in interest in actual political participation. The obtained scientific data can later be used as the basis for instrumental and technological support for the activities of state structures and public institutions implementing state youth policy.

Keywords: youth; political values; political representations; symbols; political behaviour; political culture

For citation: Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of the Russian students: Value-based, figurative-symbolic and behavioural aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):63-71. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71

ВВЕДЕНИЕ

Становление политической культуры молодежи в современной России представляет собой внутренне противоречивый процесс, протекающий в многомерном и турбулентном пространстве глобальных, общенациональных и субнациональных вызовов XXI в. Природа этих системных вызовов сложна и носит интегративный характер, включая в себя разнообразные макрополитические, институциональные, информационно-психологические и социокультурные факторы. Некоторые из этих факторов несут в себе позитивный импульс и могут выступить драйверами модернизации политической системы. Другие должны рассматриваться с точки зрения выявления, прогнозирования и упреждения политических и социокультурных информационно-психологических угроз, обладающих рискогенным потенциалом и представляющих опасность для молодежи, российского общества и государства [1]. В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает задача изучения состояния политической культуры современной российской молодежи как поколенческой общности, социализация которой происходила в условиях постсоветской политической реальности под влиянием традиционных институтов и новых факторов, в первую очередь сети Интернет.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политическая культура как понятие в современной науке применяется для обозначения довольно широкого спектра разнообразных феноменов в политической сфере: представления, ценности, установки граждан [2–4], политические действия и поведение [5], пространство мифо-символических и идеологических конструкций [6], институциональные структуры, встроенные в политические процессы [5, 7].

Обобщая разные подходы, Г.Л. Тульчинский утверждает, что структура политической культуры наряду с политическим сознанием включает также политические институты, составляющие политическую систему общества, и политическое поведение в различных формах политического участия и деятельности [8].

Анализируя политическую культуру российской студенческой молодежи с позиций политико-психологического подхода, мы будем ориентироваться на определение, предложенное О.Ю. Малиновой. В ее понимании это «система исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций и моделей политического поведения, на основе которых строится поведение индивидов и групп» [9]. Данная трактовка является наиболее адекватной нашим исследовательским задачам, поскольку «примиряет» разные подходы — «психологический», в рамках которого политическая культура рассматривается как комплекс социально-психологических свойств, проявляющихся на индивидуальном уровне, и «социетальный», который позволяет считать ее «свойством социальных коллективов, укорененным в исторически обусловленных социальных практиках и репертуарах смыслов, определяющих действия индивидов и функционирование институтов» [10]. Для нашего анализа важно, во-первых, психологическое понимание структуры политической культуры, включающей в себя существующие в сознании граждан ценности, представления, образы и обусловленные ими поведенческие ориентации и особенности политической активности людей. Во-вторых, обозначение ее исторической детерминированности, влияния и политических традиций на ценностные ориентации и поведение граждан.

При этом, с одной стороны, мы ориентируемся на интерпретацию отечественной политической культуры как «монолитной» и неизменной [11,

12]: складывающиеся на протяжении столетий ценности и характерные черты власти и общества существовали в ней в разные исторические эпохи, в том числе и сейчас. С другой стороны, мы принимаем во внимание ее динамический характер и акцентируем внимание на том, что «трансформация политической культуры заключается не в появлении качественно иной системы с абсолютно новыми элементами, а в переходе элементов с одного “уровня влияния” на другой» [13]. Причем, самые значительные изменения происходят в переходные периоды развития страны.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой исследования являются материалы всероссийского опроса студенческой молодежи в возрасте 18–24 лет, проведенного осенью 2020 г. с помощью процедур формализованного интервью. Количество респондентов — 1600 чел.

В соответствии с нашей моделью анализа в структуру опросного листа были включены блоки вопросов, касающиеся политических ценностей и представлений, образно-символических репрезентаций, поведенческих установок и ориентаций молодежи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЦЕННОСТИ

Одной из характерных черт отечественной политической культуры, которую выделяют исследователи, является ориентация на государство, которое выступает «носителем вдохновляющих духовных смыслов» [12]. По мнению Ю. С. Пивоварова, государство — центральный элемент смысловой триады «церковь — государство — общество», лежащей в основе «русской идеи» и определяющей политико-культурные особенности исторического развития нашей страны [14].

Результаты нашего исследования показывают, что патерналистские ориентации у молодежи достаточно сильны: 54% наших респондентов перекладывают ответственность за обеспечение блага граждан на государство и власть. При этом государственное регулирование общественных отношений представляется студентам в диапазоне от вмешательства среднего уровня, связанного, главным образом, с нормативно-правовым регламентированием и обеспечением правопорядка (43%), до значительного контроля

всех сфер жизни, кроме личной (41%). Среди опрошенных нами есть и сторонники крайних вариантов — минимального и максимального участия государства в жизни граждан, но их количество невелико.

Представления о современном российском государстве в сознании студенческой молодежи являются неоднозначными. Наши респонденты не определились, является оно сильным или слабым, проводит грамотную или не очень грамотную внешнюю политику, уважают или не уважают его в мире.

При этом если посмотреть на разницу между крайними показателями, определяющими наибольшую степень выраженности указанных характеристик, становится понятно, что молодые люди по многим позициям склоняются к негативному полюсу. В этом контексте особенно важно обратить внимание на то, что молодежь представляет государство неуспешным во внутренней политике, не заботящимся о гражданах, и таким, где не хочется жить.

Что касается политических институтов, то отношение молодежи к ним тоже неоднозначное. Уровень осведомленности об их деятельности и удовлетворенности ею невысокий. То же можно сказать и об уровне доверия к ним. Тем не менее значительная часть наших респондентов поддерживает деятельность всех без исключения политических институтов.

Интересными и заслуживающими внимания являются несколько моментов. Лучше всего молодые люди осведомлены о деятельности полиции, (которая достаточно активно освещается в СМИ), региональных и местных властей, деятельность которых респонденты видят воочию. При этом удовлетворенность их работой и надежда на них крайне невысоки.

Наибольшее доверие у молодых людей вызывают новые политические партии и несистемная оппозиция, что может быть отчасти объяснено их новизной и активным присутствием в сети Интернет наравне с определенной усталостью от давно существующих институтов и слабой осведомленностью об их деятельности.

У вооруженных сил самые высокие показатели по осведомленности и ожиданиям, но самые низкие по уровню доверия. На наш взгляд, такое двойственное отношение к армии является, с одной стороны, проекцией значимой для молодежи ценности безопасности [15], а с другой — реакцией на доминирование в публичном и инфор-

мационном пространстве силовой составляющей во внутренней и внешней политике.

Представления респондентов о российском обществе довольно неопределенные. Так же как и в случае с государством, они не могут четко обозначить характеристики общества, в котором живут. За исключением его социального устройства, которое видится, скорее, иерархическим, нежели основанным на принципах равенства.

Российскому обществу в представлениях молодежи свойственны одновременно индивидуализм и коллективизм, атомизация и солидарность, раскол и единство. В этом, на наш взгляд, проявляется влияние двух противоположных тенденций. Первая отражает национальную политическую культуру, которой характерен «надындивидуальный» тип бытия [16], собранность, коллективизм, который питает скрепы русского этоса [17]. Вторая тенденция связана с происходящей на протяжении постсоветского периода вестернизацией духовно-культурной сферы, распространением западных ценностей и образцов жизни, что в итоге привело к росту индивидуалистических установок и «растяжению» социальных связей.

Таким образом, мы можем заключить, что смысловое содержание политической культуры российской студенческой молодежи является достаточно размытым и неопределенным. Молодые люди не имеют системных и когнитивно сложных представлений о политике, политических институтах и процессах, что является значимым (и отнюдь не позитивным) показателем состояния их политической культуры.

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Для более глубокого понимания специфики политической культуры современной российской молодежи значимую роль могут играть не только ее содержательные элементы, такие как представления и ценности, но и особенности их репрезентации в виде образов и символов. Именно через систему символов личность во многом воспринимает процессы, в том числе политические, оценивает происходящие события. Образы и символы, часто стереотипизированные и частично мифологизированные, превращаемые Интернетом в набор привычных мемов, управляют восприятием реальных политических явлений и процессов.

Для решения задач исследования были выделены несколько образов, отражающих наиболее обобщенные символические представления студенческой молодежи о политике в целом.

Учитывая тенденцию к персонализации политических процессов, респондентам были заданы вопросы о существующих у них образах героя и врага в политической истории России со встроенными мифологическими характеристиками (герой-спаситель и враг-предатель). В такой форме эти образы не только отражают представления молодого поколения об истории, но и (при анализе обоснований выбора) символизируют понимание им таких категорий, как добро и зло по отношению к тому или иному типу политики.

При выборе героя-спасителя большинство респондентов уверенно называют правителей, намного реже — военачальников или политиков. При этом среди первых пяти позиций (с существенным отрывом от остальных) выделяются правители-реформаторы или «победители»: И.В. Сталин (10,4%), Александр II (8,9%), В.И. Ленин (7,9%), Петр I (7,6%), В.В. Путин (3,1%). Можно предположить, что данный выбор отражает некоторые тенденции в настроениях молодежи, для значительной части которой события и процессы, связанные с развитием и реформированием, оцениваются однозначно положительно и определяют образ желаемого будущего.

Образ врага (предателя) также сосредоточен в большинстве ответов на правителях (при том, что в вопросе политический статус врага никак не уточнялся): М.С. Горбачев (10,32%), Б.Н. Ельцин (7,21%), И.В. Сталин (6,92%), В.И. Ленин (5,16%), Н.С. Хрущев (3,46%).

Из комментариев к ответам можно заметить, что аргументация по названным фигурам повторяет стиль современного коммуникативного дискурса.

Противоположные оценки места И.В. Сталина и В.И. Ленина не являются неожиданными и связаны с постоянно существующим противостоянием в обществе по этим фигурам. При этом и сторонники Сталина-героя и Сталина-врага используют для обоснования своего мнения известные пропагандистские стереотипы и коммуникационные штампы.

Среди перечисленных респондентами достаточно редко встречаются имена людей, не связанных с властью, например общественных деятелей или личностей, воспринимаемых

в качестве героев или предателей на локальном уровне. Нет образа героя — обычного человека, который мог бы стать образцом для будущего выбора собственного поведения.

Интересно, что по обеим позициям респонденты практически не раскрывают, почему они отнесли того или иного персонажа именно к спасителям или предателям. Можно сказать, что образы названных исторических персонажей сегодня превратились в некие символы общей позитивной или негативной оценки не только конкретного человека, но и всей эпохи, с ним связанной. Одновременно оценка самих исторических периодов во многом определяется особенностями образа правителя.

Следует отметить, что большая группа респондентов не смогла дать ответа на вопросы о героях и предателях (около 37% и около 42% соответственно), утверждая, что героев или предателей не было, или они их не знают. Получается, что у этой группы молодых людей символическое пространство добра и зла в его социально-политическом измерении остается ничем не заполненным, пустым. В этом случае в своих политических оценках и решениях они будут зависеть от сиюминутных эмоционально окрашенных трендов, периодически появляющихся и так же быстро исчезающих в сети Интернет.

Можно сделать вывод о том, что не только образы конкретных персонажей политической истории, но и представления об их деятельности или месте в общественно-политическом процессе (а во многом и о самом этом процессе) у большинства респондентов оказываются когнитивно бедными и чрезвычайно упрощенными. Они зависят от стереотипов, транслируемых каналами массовой коммуникации, и чаще всего не опираются на реальные знания об объекте.

Второй значимый элемент символического пространства политической культуры — обобщенные образы отдельных периодов истории России. Респондентов попросили оценить, какие периоды они считают самыми благополучными («золотой век») и самыми трагическими.

Можно предположить, что при ответе на первый вопрос респондентов немного сбила формулировка «золотой век», так как 12,4% из них назвали XVIII в. или век Екатерины II.

Периоды, называемые чаще других, относятся ко времени, достаточно отдаленному от сегодняшнего дня (XVIII и XIX вв., первая половина XX в.), о котором имеется достаточно

информации не из учебников истории, а из художественных произведений. Такие периоды хотя бы частично наполнены почерпнутыми из этих произведений образами. Однако если сравнивать с более старшими поколениями, образы эти у молодежи становятся все более когнитивно простыми и бедными.

При этом внутри каждого периода обоснование выбора приблизительно поровну представлено оценками его то в качестве стабильного этапа, то в качестве времени развития. Например, среди выбравших СССР, примерно равный процент выбравших период правления Сталина («успехи») и время, когда у власти находился Брежнев («стабильность»).

Оценка отдельных периодов истории в качестве трагических оказалась у респондентов более однозначной. Для более чем четверти опрошенных трагичность времени ассоциируется, прежде всего, с войнами и революциями или радикальными реформами (90-е гг.).

При этом, как и в предыдущих вопросах, остается значимый процент неопределившихся или считающих, что особенно благополучного или особенно трагического периода в российской истории не было (около 25% и около 15% соответственно).

Ответы на вопросы о благополучном и трагическом времени представляют интерес тем, что на образно-символическом уровне позитивная или негативная оценка тех или иных периодов прошлого в значительной степени (иногда в большей, чем знания истории или представления о современной общественно-политической ситуации) определяют образы желаемого будущего.

Размытые и ненаполненные понятными образами и символами представления о прошлом, абстрактные и не подкрепленные примерами или доказательствами позитивные или негативные оценки тех или иных периодов прошлого не могут стать основанием для представлений и ожиданий, связанных с общим или собственным будущим.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

По данным нашего исследования, основной формой политического участия для молодежи является участие в выборах в качестве избирателя (66%). В меньшей степени они готовы посещать мероприятия политических партий (21%) или становиться кандидатами (20%). Тенденция

пассивного участия свойственна молодежи и на муниципальном уровне политического процесса: всего 19% принимают участие в местных плебисцитах, 25% посещают общественные слушания.

Наибольшую значимость, по мнению респондентов, имеют выборы лиц, принимающих решения, — президента и главы региона. Важность выборов представительных органов власти снижается от федерального к местному уровню.

По нашему мнению, низкий уровень доверия к институтам, а также отсутствие ассоциативных связей в сознании между собственным будущим и участием в политических институтах приводят к тому, что в качестве основного вектора политической активности молодежь выбирает те формы, которые будут способствовать ее самореализации. Практически половина респондентов (41%) отметила, что являются активными участниками молодежных движений или организаций. Примерно в равных пропорциях молодые люди участвуют в деятельности молодежных политических институтов (парламентов, избирательных комиссий и др.) и некоммерческих организаций (22% и 24%).

Следствием неоднозначного отношения к государственным институтам можно назвать и достаточно большой процент респондентов, поддерживающих акции оппозиции (25%), тогда как молодых людей, признавших участие в провластных акциях, всего 18%. По меньшей мере, 75% российской молодежи не вовлечены в активный политический процесс.

Можно предположить, что современная российская молодежь вследствие неоднозначного отношения к политическим институтам не готова к активному участию в политическом процессе только ради их воспроизводства и поддержания функционирования. Значимой ценностью для молодых людей является самореализация, поэтому они выбирают направления деятельности, которые помогут, прежде всего, их собственному развитию и благополучию.

При этом стоит отметить, что речь идет не о политической пассивности, а об изменениях форм активности. Исследование подтвердило гипотезы о том, что представители поколений Y и Z более активно участвуют во внеинституциональной политической деятельности [18]. Более половины опрошенных (51%) подписывают онлайн-петиции, 36% респондентов принимают участие в онлайн-обсуждениях политического процесса, а 20% респондентов

даже транслируют свое мнение на собственные онлайн-аудитории.

То есть в условиях продолжающейся цифровизации максимально обостряется вопрос влияния новых типов коммуникации на политическое поведение молодежи. Согласно полученным нами результатам намечается тенденция ухода в онлайн политического активизма молодежи из-за появления качественно новых форм политического участия, возможных только в онлайн-пространстве. Однако открытыми и требующими дополнительных исследований остаются вопросы: в какой мере это несет угрозу политической системе и политическим институтам? что может выступить в качестве триггера перехода онлайн-активности в офлайн?

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показывают, что на фоне снижения интереса граждан к политике, восприятие молодежью как политических процессов, так и отдельных резонансных политических событий носит чрезвычайно абстрактный характер. Большинство респондентов имеют слабое представление о функциях и сферах ответственности отдельных политических институтов, что проявляется на познавательном уровне: лишь малая часть респондентов может представлять различия между органами власти разного уровня, между функциями законодательной и исполнительной власти. При этом по отношению и к тем и к другим наблюдается тенденция к недоверию.

На поведенческом уровне слабость и размытость этих представлений проявляется в отношении и к выборам, в которых респонденты видят способ самореализации, и к политическим организациям, привлекательными среди которых представляются те, что предлагают какие-либо варианты личного участия, в том числе в форме интернет-активности.

Еще более неопределенными оказываются представления об обществе. Оно представляется, скорее, фрагментированным, чем организованным.

Образно-символическое пространство политической культуры, по результатам исследования, также выглядит чрезвычайно бедным и лишенным какой-либо эмоциональной окраски. Герои или враги, а также отдельные политические события представлены малосодержательными стереотипизированными именами и названиями,

а их характеристики как будто скопированы из публикаций СМИ.

В этих условиях основным направлением воздействия на политическую культуру современной молодежи могла бы стать просветительская деятельность, в которой будут задействованы существующие в нашей стране институты политической социализации — начиная от учреждений образования и до активно действующих в сети Интернет заинтересованных групп.

Современная молодежь, по крайней мере, активная ее часть, сегодня уже не может удовлетворить свою потребность в самореализации в рамках навязанных ей начиная с 1990-х гг. и постоянно подкрепляемых средствами массовой коммуникации ценностей идеологии потребления. Представители молодого поколения заинтересованы в активном участии и реализации серьезных проектов в самых различных сферах: социальной, культурной, политической. Невозможность реализовать свои способности, свой потенциал мотивирует стремление к поискам другого вир-

туального пространства. Виртуальная реальность сети Интернет уже сегодня может рассматриваться как естественная среда, в которой происходит формирование политических представлений и ориентаций, предпочтений и моделей поведения российской молодежи. Одновременно стремление к самореализации мотивирует интерес к ярко и эмоционально представленной деятельности организаций и групп, предлагающих разные варианты защиты несправедливо обиженных (чувство справедливости очень актуально для молодого поколения) — от жителей экологически неблагополучных районов до «жертв режима». При этом первые стараниями политических активистов легко превращаются во вторых.

В этом контексте участие в значимых социальных проектах может стать одним из направлений привлечения молодежи к проявлению гражданской активности. Пожалуй, в качестве успешного примера в этом контексте можно назвать волонтерскую деятельность, которая особенно активно проявилась в ситуации пандемии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России. *Социологические исследования*. 2018;(10):90–99.
2. Inglehart R. F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000;(65):15–91.
3. Welzel C., Deutsch F. The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies. *Global Policy*. 2016;7(4):563–570. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>
4. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology Of European Values And Russians' Basic Human Values. *Sociological Research*. 2017;56(2):149–180.
5. Bednar J., Page S. When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence. *American Political Science Review*. 2018;112(1):82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000466>
6. Щербинина Н. Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной российской власти. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016;3(35):255–263.
7. Соловьев А. И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита. Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. М.: РОССПЭН; 2004.
8. Тульчинский Г. Л. и др. Политическая культура. Политическая культура. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2015. 164 с.
9. Политическая социология. Евгеньева Т. В., ред. М.: РОССПЭН; 2013.
10. Малинова О. Ю. Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая наука*. 2006;(3):7–30.
11. Шабров О. Ф. Духовные основы российской политики. *Открытое образование*. 2011;(2):155–158.
12. Сергеев В. М. Исторические истоки русской политической культуры. *Полис. Политические исследования*. 2012;(4):8–22.
13. Арутюнян Л. Н. Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели). *Образы власти в политической культуре России*. М.: Московский общественный научный фонд; 2000.

14. Пивоваров Ю. С. «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки. Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелёв, ред. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2003.
15. Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020;(58):227–241.
16. Пивоваров Ю. С. Русская история как «Русская идея»: властечцентричные и идеологические основания (часть II). *Россия и современный мир*. 2003;(3):5–29.
17. Егоров В. Социетальные основания российской политической модернизации. *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2014;(7):24–27.
18. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>

REFERENCES

1. Shestopal E. B., Selezneva A. V. Sociocultural threats and risks in modern Russia. *Sociologicheskie issledovanija = Sociological Studies*. 2018;(10):90–99. (In Russ.).
2. Inglehart R. F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000;65:15–91.
3. Welzel C., Deutsch F. The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies. *Global Policy*. 2016;7(4):563–570. URL: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>.
4. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values. *Sociological Research*. 2017;56(2):149–180.
5. Bednar J., Page S. When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence. *American Political Science Review*. 2018;112(1):82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000466>
6. Shherbinina N. G. Political and cultural codes and constructive creativity of the modern Russian government. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2016;3(35):255–263. (In Russ.).
7. Solovov A. I. Institutional Experiments in the Space of Political Culture: The Realities of Russian Transit. *Politicheskaja nauka v sovremennoj Rossii: Vremja poiska i kontury jevoljucii: Ezhegodnik*. 2004;313–337. (In Russ.).
8. Political culture. Political culture: Textbook for academic bachelor's degree. Tulchinsky G. L. et al, eds. Moscow: Izdatelstvo Jurajt; 2015. 164 p. (In Russ.).
9. Political Sociology. Evgeneva T. V., ed. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN); 2013. 519 p. (In Russ.).
10. Malinova O. J. "Political culture" in Russian and Anglo-American scientific discourse. *Politicheskaja Nauka*. 2006;(3):7–30. (In Russ.).
11. Shabrov O. F. Spiritual Foundations of Russian Politics. *Otkrytoe obrazovanie*. 2011;(2):155–158 (In Russ.).
12. Sergeev V. M. Historical origins of Russian political culture. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2012;(4):8–22. (In Russ.).
13. Arutjunjan L. N. Political culture: processes of formation and change (on some hypothetical foundations of one theoretical model). In: *Obrazy vlasti v politicheskoy kul'ture Rossii*. Shestopal E. B., M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond; 2000:12–27. (In Russ.).
14. Pivovarov J. S. "Russian Idea": Cultural and Civilizational Preconditions. In: *Sintez civilizacii i kul'tury. Mezhdunarodnyj al'manah*. Pivovarov J., Timofeev T., Shmeljov N., eds. Moscow; 2003:62–103. (In Russ.).
15. Selezneva A. V., Antonov D. E. The value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2020;(58):227–241. (In Russ.).
16. Pivovarov J. S. Russian history as a "Russian idea": Power-centric and ideological foundations (part II). *Rossija i sovremennij mir*. 2003;(3):5–29. (In Russ.).
17. Egorov V. Societal Foundations of Russian Political Modernization. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel*. 2014;(7):24–27. (In Russ.).

18. Brodovskaja E. V., Huang T. Digital generation: Civil mobilisation and political protest of Russian youth. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019;(5):3–18. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Васильевна Евгеньева — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
etv133@mail.ru

Антонина Владимировна Селезнева — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ntonina@mail.ru

Дмитрий Евгеньевич Антонов — научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
a.dmitry.msu@gmail.com

ABOUT THE AUTORS

Tatiana V. Evgenyeva — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
etv133@mail.ru

Antonina V. Selezneva — Cand. Sci. (Politology), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ntonina@mail.ru

Dmitry E. Antonov — Researcher, Research and Design Sector of the Department of Scientific and Innovative Management, State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
a.dmitry.msu@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Т.В. Евгеньева — разработка идеи и концепции статьи, подготовка разделов «Образно-символическое пространство», «Выводы».

А.В. Селезнева — подготовка разделов «Введение», «Теоретические основания исследования», «Характеристика исследования», «Политические представления и ценности».

Д.Е. Антонов — подготовка раздела «Поведенческие ориентации и политическая активность молодежи», подготовка метаданных к статье.

Author's declared contribution

T. V. Evgenieva — development of the article's idea and concept, preparation of the sections “figurative-symbolic space”, “conclusions”.

A. V. Selezneva — preparation of the sections “Introduction”, “Theoretical Foundations of Research”, “Characteristics of Research”, “Political Views and Values”.

D. E. Antonov — preparation of the section “Behavioral orientations and political activity of youth”, preparation of metadata for the article.

Статья поступила 12.02.2021; принята к публикации 03.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.02.2021; accepted for publication on 03.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.